

В нашей газете уже публиковались главы из мемуаров народного артиста СССР М. И. Жарова. В будущем году они будут продолжаться печатанием в журнале «Театр». Сегодня мы даем небольшой отрывок из новой части воспоминаний, рассказывающий о большом мастере советского театра, замечательном режиссере Всеволоде Эмильевиче Мейерхольде.

МИХАИЛ ЖАРОВ

ЖИЗНЬ И РОЛЬ

В СВЯЗИ со спектаклем «Д. Е.» («Даешь Европу») я не могу не вспомнить один эпизод. У нас была касса взаимопомощи. Нельзя сказать, что мы, актеры, в то время шиковали. Жили мы довольно скромно. У нас было товарищество, и зарплату мы получали в зависимости от сборов. Если шла такая пьеса, как «Даешь Европу», или другая, делающая аншлаги, то зарплату получали исправно. Спектакли, шедшие с меньшим успехом, били по нашему карману. Короче говоря, касса взаимопомощи была нам необходима. Как-то в бытность председателем этой кассы я обратился к Мейерхольду:

— Всеволод Эмильевич, ско-

ро лето — нужно ехать отдыхать, а денег на путевки нет. Что, если сделать в выходной день спектакль в пользу кассы взаимопомощи?

— Очень хорошо! Давайте!

— Спасибо. Но для того, чтобы обеспечить полный сбор, требуется ваше участие, афиша с вашей фамилией.

Без малейшего колебания Мейерхольд ответил:

— Ради бога!.. Давайте, давайте. Печатайте на афише «Д. Е.» — спектакль пойдет с участием Мейерхольда... Я что-нибудь там придумаю.

И вот мы выпустили афишу, где было написано: «Даешь Европу» с участием Мейерхольда». Все билеты были моментально распроданы по повышенным ценам. Мейерхольда в качестве актера московская публика не видела уже давно. Его выступления в Художественном театре старики забыли, а новым заядлым театралам интересно было посмотреть.

Волновался он ужасно. Мы волновались еще больше, потому что до последней минуты не знали, что он будет делать. Он продолжал вести очередные репетиции другого спектакля и на мои робкие напоминания, что спектакль приближается, отвечал: «Все будет хорошо».

Наконец, накануне спектакля я спросил Зинаиду Николаевну Райх, что именно собирается делать в спектакле Всеволод Эмильевич.

— Да он что-то такое при-

думал, кажется, собирается играть моего летчика.

Райх играла американку, которая прилетает на своем самолете любоваться руинами Европы и встречает там дикаря. Одеята она была более чем эксцентрично.

— Но все-таки что он будет делать? Нужно же репетировать!

— Ничего. Он уже придумал себе костюм, а текст сочиняет ему Миша Кириллов. (Артист Михаил Кириллов играл дикаря).

И вот наступил день спектакля. Театр заполнен. В сцене «На руинах Европы» под шум пропеллера вышел шикарный Мейерхольд. Весь в кожаном — кожаное пальто, кожаная фуражка, на которую водружены очки, кожаные краги, длинные шоферские перчатки. Его встретили громом рукоплесканий. Вид у него был действительно очень импозантный. За ним шла в разрезанной до талии юбке Райх. Аплодисменты усилились. Мейерхольд остановился, растерянно повернул свой длинный нос. Из-под воротника пальто выглянул его знаменитый ярко-красный шарф, которым он особенно гордился. Всеволод Эмильевич постоял, потом расклатаялся, и, посмотрев на ногу Райх в черном чулке, как бы подчеркивая несерьезный характер сцены, развел руками. В зале раздался смех. Райх, подождав его условленной реплики, нетерпеливо и громко сказала:

— Ну же, ну!

Но Мейерхольд, вздрогнув смешно и растерянно, снова развел руками. Публика, думая, что это трюк, дружно зааплодировала. Тогда Райх повернулась к нему спиной и, пожав плечами, стала ждать Ки-

риллова, не обращая больше никакого внимания на Мейерхольда.

Вышел Миша Кириллов, началась их сцена, а Мейерхольд все стоял и стоял, с него пот катился градом, потому что было жарко в кожаном пальто под светом прожекторов. Он вынул платок, вытер лоб, лицо, потом сказал что-то вроде: «Ну, я полечу» или «Я пойду», — и ушел со сцены.

Воцарилась тишина. Публика, состоявшая преимущественно из поклонников его таланта, сначала замерла в ожидании очередного мейерхольдовского трюка, затем, с трудом осознав, что, очевидно, больше ждать нечего, что это и есть трюк магистского режиссера, выпустившего специальную афишу, дружно захохотала сама над собой, над своей доверчивостью. Смеялись над тем, как ловко, никого не надувая, Мейерхольд вышел из положения. А между тем сам мастер стоял за кулисами растерянный и смущенный, Райх подбежала к нему.

— Что же ты? А тоже — «Я, я!» Не мог вымолвить слова!

— Зиночка, но ты же не дала мне реплику.

— Я не дала реплику?.. Ну, знаете ли... Это ты должен был дать мне реплику!

— Нет... Зиночка! Ты же хотела ко мне подойти и что-то сказать!

— Ничего я не хотела сказать, и не хитри, пожалуйста! Просто ты забыл роль. Так и говори, что забыл.

В общем, Зинаида Николаевна, пользуясь правами жены, отчитала Мейерхольда при всех, а он, вытирая платком лоб, тихо повторял:

— Да-да, забыл, она права!

Казахстанская правда, 1964, 16 июня